

УДК 94 (47) «17/1917»

DOI 10.25688/2076-9105.2019.33.1.02

В. А. Исаков

Оценка роли Н. К. Михайловского в становлении революционного радикализма: историографический обзор

В статье представлен взгляд Н. К. Михайловского на радикальные методы политической борьбы: террор, организацию тайных обществ, роль меньшинства и народных масс в революционном процессе — в 1870–1880-е годы.

Ключевые слова: революция; террор; бланкистская доктрина; революционное меньшинство.

Во все времена в условиях непростой обстановки в обществе, стране особое значение приобретает позиция тех, кто влияет на формирование общественного мнения, предлагая направления движения. В истории России среди мыслителей, безбоязненно говоривших о кардинальных проблемах страны, следует назвать Николая Константиновича Михайловского. Анализ его отношения к радикальным методам борьбы представляется достаточно актуальным.

П. Л. Лаврову, пригласившему Н. К. Михайловского к сотрудничеству в 1873 году, последний ответил хотя и мягким, но отказом, попутно обозначив свою позицию на тот момент: «Я не революционер, всякому свое» [4: с. 68]. Примечательно, что П. Н. Ткачев, чуть ли не одновременно также получивший приглашение П. Л. Лаврова, начал было сотрудничать, но почти сразу же он и издатель журнала «Вперед» разошлись. Вскоре П. Н. Ткачев займет крайний левый фланг в революционном движении России. Н. К. Михайловский же видел свою задачу в том, чтобы готовить людей к революции (при одновременном заявлении, что он боится революции больше, чем реакции), потому что «никакой радикальной социалистической оппозиции в России нет, ее надо готовить» [4: с. 68]. Если в России такая подготовка станет невозможной, тогда, заявлял он, «я ваш, несмотря ни на что, до тех пор — нет». Уточняя свою позицию, Н. К. Михайловский писал: «...люди революции рассчитывают на народное восстание. Это дело веры. Я не имею ее» [4: с. 68]. Такая комбинация подходов дала основание Э. С. Виленской, исследовательнице его жизни и творчества, на следующий вывод: «Не будучи революционером, Н. К. Михайловский не являлся и противником революции или реформистом, рассчитывавшим на сделку с самодержавием. И эта межумочность значительно ослабляла его позиции» [2: с. 226].

По всей видимости, заявленная в переписке позиция не стала достоянием революционных кругов. Михайловский воспринимался, прежде всего, как известный демократический публицист, в деятельности которого, по мнению Э. С. Виленской, еще до 1880–1881 годов обозначился «поворот от аполитизма к признанию важнейшей роли политической борьбы... хотя далеко не так прямо выраженный» [2: с. 247]. В этом была его заслуга на тот момент.

Активизация революционного движения, начало народнического террора во второй половине 1870-х годов повлекли существенные изменения в позиции Н. К. Михайловского. Наиболее отчетливо это проявилось в нелегальной прокламации «Летучий листок», появившейся после процесса по делу Веры Засулич. В ней содержалась идея, которая (при анонимности автора. — *В. И.*) однозначно указывала революционерам направление движения: «Принцип этот называется: конституция, земский собор <...> Исторического движения задержать нельзя. Общественные дела должны быть переданы в общественные руки. Если этого не будет достигнуто в формах представительного правления с выборными от русской земли, в стране должен возникнуть тайный комитет общественной безопасности. И тогда горе безумцам, становящимся поперек путей истории! <...> Решительные минуты создают решительных людей» [8: с. 66]. Сказано это было до появления «Народной воли», которая напоминала такой комитет. По мнению Н. С. Русанова, эти слова Н. К. Михайловского находили свою аналогию в программе «Набата», а с народовольцами он «сошелся ближе, чем с какой-либо из предшествующих революционных партий» [11: с. 129, 131]. Произошла явная радикализация его позиции вплоть до признания оправданности тайного революционного общества с чрезвычайными задачами. Это означало перекладывание на революционное меньшинство осуществления грандиозных задач. Но его позиция далеко не совпадала с бланкистской, как это может показаться с первого взгляда и на чем настаивал в своих статьях Н. С. Русанов. Н. К. Михайловский, «отлично понимавший значение общих законов развития общества, отмерял вообще большую долю влияния личности и организации личностей на ход истории» [9: с. 63]. Особенно это стало заметным, по мнению Н. С. Русанова, в 1877 году, когда писатель взывал к личности как «верховному критерию идейной жизни и деятельности». В народе таких личностей не было. Для реализации своих социалистических идеалов «суверенная, энергичная, активная личность хотела вмешаться в историю», в «естественный ход вещей». «Получалось опять-таки ядро заговорщиков... которым приходилось “снимать гнет с народа”...» [9: с. 63]. «Тайный комитет общественного спасения» Н. К. Михайловского должен был возникнуть, если не состоится передача власти народу. Н. С. Русанов не оговаривается, что комитет должен был в финале обеспечить народовластие, раз оно не состоялось естественным порядком.

Еще в письме к П. Л. Лаврову Н. К. Михайловский писал, что молодое поколение «бессильно его (момент действовать, т. е. революцию. — *В. И.*) вызвать» [4: с. 68]. Но именно момент «назначенной революции» был одним

из характерных признаков бланкистской программы. «Тайный комитет общественного спасения», по формуле Н. К. Михайловского, должен был осуществить то, что в иных условиях выпадало бы на долю «выборных от русской земли»: созвать Земский собор, принять Конституцию, но никак не устанавливать собственную диктатуру, что тоже характерно для бланкистов. И в этом отличие точки зрения Н. К. Михайловского от позиции П. Н. Ткачева, наиболее последовательного российского бланкиста.

Отказ от аполитизма не просто логично дополнял эволюцию взглядов мыслителя в этот период, а был ее стержневым направлением. Это выразилось и в непростом отношении к террористической борьбе. Э. С. Виленская полагает: «Михайловский доказывал, что террор, применяемый народовольцами как самозащита, — это тоже форма политической борьбы. Он не очень-то одобрял террористические акты» [2: с. 246], но оправдывал борьбу жестокими средствами. В. А. Твардовская же считает, что Н. К. Михайловский отрицательно относился к террору [12: с. 181–182]. В то же время исследовательница приводит его слова о том, что последовательные деятели, не могущие «по свойствам своего ума не дойти до логического конца пути, на который они встали», неизбежно приходят к признанию террористической борьбы. Признание за другими права на такой вывод не означало, однако, что сам Н. К. Михайловский этот путь проделал, но можно согласиться с В. А. Твардовской, что не без помощи Михайловского революционеры пошли по этому пути [12: с. 171].

Собственные соображения Н. К. Михайловского по этому вопросу дают возможность разных трактовок. В конце 1879 года он писал в «Народной воле»: «Я не способен хладнокровно убить человека и никогда не считал себя вправе учить других, кого и как следует убивать». Это была личная позиция, а, размышляя далее о сути проблемы, он оставлял возможность для оправдания террора: «Вы не хотите ее (политическую борьбу в форме террора. — *В. И.*), вас вынуждают обстоятельства. Но так было всегда и везде <...> за неимением мало-мальски свободного пространства для открытой борьбы вы вынуждены прибегать к тайным политическим убийствам <...> «лично мне политическая борьба представляется в совсем иных формах» [6: с. 52–53].

По сути, агитируя за проведение террористической борьбы, Н. К. Михайловский тем не менее неизбежно должен был высказывать свое отношение к уже осуществленным актам. В. Я. Богучарский приводит свидетельство некоего лица, которое поддерживало связи исполнительного комитета «Народной воли» с «обществом вообще, и с литературными кругами в частности»: «не протестуя против террора как одного из средств политической борьбы, Николай Константинович всегда требовал, чтобы революционеры давали террористическим актам надлежащее объяснение, способное вызвать в обществе, если не симпатию, то, во всяком случае, истинное понимание его широких мотивов» [3: с. 38]. Несколько иную трактовку позиции Н. К. Михайловского

в этом вопросе дал, по личным наблюдениям, Н. С. Русанов: «Неопределенность последствий террора Н. К. Михайловский видел в том, что он не был доведен до конца, “был не переделан, а не доделан”, — фраза, которую я в свое время хорошо запомнил, но которую я теперь никак не могу найти в лежащих передо мною письмах; и должен предположить, что это письмо или затерялось, или что это была устная фраза Михайловского» [11: с. 137]. Если принять свидетельство Н. С. Русанова за истинное, а не ошибочное по прошествии многих лет или не так понятое изначально, то налицо эволюция взглядов Н. К. Михайловского в этом непростом вопросе, вплоть до согласия с террором. Учитывая его способность быть последовательным, такой итог можно допустить. Не исключено, что это была позиция солидарности с партией, которая уже не могла отказаться от террора. Другой же силы, противостоящей власти, не было. Но не исключено, что Н. С. Русанов что-то упустил, и позиция Н. К. Михайловского не была столь радикальной. Об отношении мыслителя к террору молодой партии «Народная воля» писал в воспоминаниях И. И. Попов, отмечая, что Н. К. Михайловский «резко отрицательно относился к фабричному и аграрному террору», предлагаемому ей [7: с. 72]. Получается, что с террором как средством политической борьбы Н. К. Михайловский еще как-то мирился. Иные же его разновидности не принимал совсем. Эта позиция была им выработана к рубежу 1870–1880-х годов. Как писал Евг. Колосов, к концу 1870-х система Н. К. Михайловского, «сложившаяся к этому времени в своей социологически-теоретической части... определилась как система политическая» [5: с. 61]. Именно эта базовая черта воспринималась прежде всего современниками. В комплексе его воззрения были в этот период достаточно радикальными, включая в себя идею тайного общества, непризнание народных возможностей, полупризнание террора. Об этом знали очень немногие, но самые влиятельные деятели «Народной воли», испытывая на себе воздействие его идей. Можно предположить, что его позиция косвенно влияла и на разработку заговорщических положений, особенно если учесть развитие Н. К. Михайловским проблемы «героев и толпы» (не в пользу последней), о чем писал Н. С. Русанов [9: с. 64]. Примечательно, что и в 1882 году, через несколько лет после начала разработки проблемы, Н. К. Михайловский интересовался ею настолько, что она даже стала предметом очень любопытного, но, к сожалению, незаконченного социологического исследования «Герои и толпа». В. А. Твардовская и Б. С. Итенберг следующим образом отозвались об этой ситуации: Н. С. Русанов, анализируя причину тяготения революционеров к заговорщичеству «верно отметил, что любое революционное движение имеет привкус якобинства. Ведь во всякой революции, по его словам, сознательное участие принимает лишь активное, инициативное меньшинство, большинство же оказывается втянуто в революционную стихию бессознательно, помимо воли. И он был прав, доказывая, что ни Михайловскому, ни Лаврову полностью

отмежеваться от бланкизма так и не удалось. Их понимание роли критически мыслящих личностей логически подводило к признанию особой роли и особых возможностей революционного меньшинства» [13: с. 68]. С таким подходом можно отчасти согласиться, оговорившись еще раз, что не все элементы бланкистской доктрины присутствовали у Н. К. Михайловского. Не надо упускать из виду и другое обстоятельство, опять же отмеченное Н. С. Русановым, который писал, что Н. К. Михайловский «собственно никогда не был человеком партии, а лишь мощным возбудителем революции в умах» [12: с. 125]. Хотя в глазах власти он был «до времени его ареста участником преступной организации» [1: с. 32]. Один из ведущих современных исследователей Н. К. Михайловского В. В. Блохин комментирует это отношение власти так: «Как видно, Михайловскому было отведено “центральное место” в заговоре против власти» [1: с. 29–30].

Осуществленный этим автором в этой же работе серьезный историографический анализ проблемы показывает, что подавляющее большинство писавших на тему «Михайловский — народовольчество» было доказательно убеждено в «общности политических позиций Михайловского и партии». Исключение составляла В. Фигнер. В. Блохин солидарен с мнением большинства: «Михайловский весной 1881 года стоял на радикальных позициях, содействовал революционному подполью» [1: с. 27].

В любом случае совокупность поднятых мыслителем проблем и варианты их решений, несомненно, способствовали радикализации революционного движения и особенно народовольчества в конце 1870-х – начале 1880-х годов. Очевидной была при этом заговорщическая направленность его размышлений относительно революционного движения.

Литература

1. Блохин В. На переломе. 1881–1904. Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века. М.: РУДН, 2004. 240 с.
2. Виленская Э. С. Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х – начала 80-х годов XIX века. М.: Наука, 1979. 303 с.
3. В. Я. (Богучарский). Событие 1-го марта и Н. К. Михайловский // Былое. 1906. № 3. С. 30–40.
4. Два письма к П. Л. Лаврову Н. К. Михайловского // Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 10. СПб.: Изд-во М. М. Стасюлевича, 1913. С. 63–68.
5. Колосов Евг. М. А. Бакунин и Н. К. Михайловский в старом народничестве // Голос минувшего. 1913. № 5. С. 61–89.
6. Политические письма социалиста. Письмо второе. 2 декабря 1879 // Литература партии «Народная воля». М.: Изд-во Всесоюзного общ-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1930. 336 с.
7. Попов И. И. Минувшее и пережитое // От народничества к марксизму. Л.: Лениздат, 1987. С. 35–79.
8. Революционная журналистика семидесятых годов / под. ред. В. Богучарского. Ростов н/Д.: Донская речь, б/г. 351 с.

9. *Русанов Н. С.* Идеинные основы «Народной воли» // *Былое*. 1907. № 9. С. 37–76.
10. *Русанов Н. С.* Михайловский и общественная жизнь России // *Голос минувшего*. 1914. № 2. С. 5–27.
11. *Русанов Н. С.* «Политика» Н. К. Михайловского // *Былое*. 1907. № 7. С. 124–133.
12. *Твардовская В. А.* Н. К. Михайловский и «Народная воля» // *Исторические записки*. 1968. Т. 82. С. 163–203.
13. *Твардовская В. А., Итенберг Б. С.* Н. Русанов — искатель истины в социализме // *Отечественная история*. 1995. № 6. С. 59–92.

Literatura

1. *Bloxin V.* Na perelome. 1881–1904. N.K. Mixajlovskij v idejno-politicheskoj bor'be v 80–90-e gody' XIX veka. M.: RUDN, 2004. 240 s.
2. *Vilenskaya E'. S.* N. K. Mixajlovskij i ego idejnaya rol' v narodnicheskom dvizhenii 70-x – nachala 80-x godov XIX veka. M.: Nauka, 1979. 303 s.
3. V. Ya. (Bogucharskij). Soby'tie 1-go marta i N.K. Mixajlovskij // *By'loe*. 1906. № 3. S. 30–40.
4. Dva pis'ma k P. L. Lavrovu N. K. Mixajlovskogo // N. K. Mixajlovskij. Poln. sobr. soch. 2-e izd. T. 10. SPb.: Izd-vo M. M. Stasyulevicha, 1913. S. 63–68.
5. *Koloso Evg. M. A.* Bakunin i N. K. Mixajlovskij v starom narodnichestve // *Golos minuvshogo*. 1913. № 5. S. 61–89.
6. Politicheskie pis'ma socialista. Pis'mo vtoroe. 2 dekabrya 1879 // *Literatura partii «Narodnaya volya»*. M.: Izd-vo Vsesoyuznogo obshh-va politkatorzhan i ssy'l'no-poselencev, 1930. 336 s.
7. *Popov I. I.* Minuvshee i perezhitoe // *Ot narodnichestva k marksizmu*. L.: Lenizdat, 1987. S. 35–79.
8. *Revolucionnaya zhurnalistika semidesyaty'x godov / pod. red. V. Bogucharskogo*. Rostov n/D.: Donskaya rech', b/g. 351 s.
9. *Rusanov N. S.* Idejnye osnovy' «Narodnoj voli» // *By'loe*. 1907. № 9. S. 37–76.
10. *Rusanov N. S.* Mixajlovskij i obshhestvennaya zhizn' Rossii // *Golos minuvshogo*. 1914. № 2. S. 5–27.
11. *Rusanov N. S.* «Политика» Н. К. Михайловского // *By'loe*. 1907. № 7. S. 124–133.
12. *Tvardovskaya V. A.* N. K. Mixajlovskij i «Narodnaya volya» // *Istoricheskie zapiski*. 1968. Т. 82. S. 163–203.
13. *Tvardovskaya V. A., Itenberg B. S.* N. Rusanov — iskatel' istiny' v socializme // *Otechestvennaya istoriya*. 1995. № 6. S. 59–92.

V. A. Isakov

Assessment of the Role of N. K. Mikhailovsky in the Formation of Revolutionary Radicalism: a Historiographical Review

The article presents the view of N. K. Mikhailovsky's radical methods of political struggle: terror, the organization of secret societies, the role of the minority and the masses in the revolutionary process — in the 1870–1880s.

Keywords: revolution; terror; blancist doctrine; revolutionary minority.